

Знание того, что у них остался всего один день до того, как Забуза и Хаку сделают свой ход, только усилило беспокойство Тадзуны. Некоторые другие работники ушли, увидев, как нервничает Тадзуна. Каждый из них извинялся, объясняя, что не желает рисковать жизнью ради этого моста. Обито каждый раз наблюдал, как Тадзуна мрачно отмахивался от них, подтверждая каждому дезертиру, что он понимает и не винит никого из них.

За последние несколько дней Обито и Тадзуна обсудили целый ряд тем, касающихся оживления экономики Волны - что они будут покупать и продавать, как они будут поощрять иностранных рабочих и торговцев приезжать и открывать магазины, и даже как Волна сможет наладить дальнейшие отношения с Конохой. Однако сегодня разговоров было мало - в основном из-за тревоги и предвкушения неизбежного матча-реванша с вражескими шиноби.

Генин решил провести большую часть последнего дня покоя, навязчиво проверяя различные печати, которые он наложил на мост и прилегающую территорию, чтобы убедиться в их целостности и работоспособности. Когда Обито провел последние проверки и у него появилось свободное время, он решил заняться другим проектом, который пришел ему в голову раньше. Еще во время встречи с Братьями-Демонами Обито понял, что полагаться только на свое кендзюцу при защите в ближнем бою более чем глупо. Все эти знания фуиндзюцу были у него перед глазами, но он не подумал о том, чтобы добавить печати к своему мастерству фехтования.

Вместо того чтобы сосредоточиться на создании наступательного арсенала ближнего боя, Обито нужно было уметь создавать пространство. Его первоначальная идея была довольно проста - создать печать, которая отталкивала бы нападающего при контакте с вакидзаси. Однако, как и в случае с большинством фуиндзюцу, реализация была особенно сложной. Обито знал печати, необходимые для создания силы отталкивания, но проблема была не в них. Проблема заключалась в том, чтобы подать в печати достаточно чакры, чтобы они могли работать. Поскольку сам меч не проводил чакру, Обито пришлось бы использовать больше печатей для транспортировки чакры. Поразмыслив еще немного, Обито пришел к идее встроить в печати аккумуляторы чакры с низкой максимальной емкостью, чтобы меч не сломался от переполнения чакрой. Затем он собрал чакру на кончике указательного пальца и принялся за работу.

Через полчаса Обито посмотрел на вакидзаси у себя на коленях и вздохнул. Печать была функциональна, но заметно несовершенна. Схема потока чакры была все еще несовершенна и имела потери, что не только делало силу отталкивания менее эффективной, но и подвергало меч большому износу от стока. Хаяте-сенсей, вероятно, сильно ругал бы его за это, но Обито предпочитал рискнуть и остаться в живых. Когда солнце начало садиться, Тадзуна отпустил оставшегося работника, милостиво поблагодарив женщину за то, что она единственная осталась.

Обито понимал, что время выбрано неудачно: Забуза и Хаку почти наверняка собирались устроить сегодня забастовку. Но он также знал, что отношения с Курамой не менее важны. Лис действительно заслуживал лучшего, чем быть запертым в темноте на неопределенный срок, и, возможно, именно импульсивная сторона мальчика решила не допустить, чтобы еще один день прошел без улучшения условий жизни Курамы. Кроме того, было правильно сделать Кураме подарок в обмен на силу, которой он наделил Обито.

Поэтому, прекрасно понимая, что до того момента, как его команда должна будет проводить Тадзуну на мост, осталось недолго, Обито прикоснулся пальцем к животу и направил свое внимание внутрь. Мир вокруг него начал меняться, и Обито снова оказался в знакомой канализации. "Доброе утро, Курама!"

Глубокие красные глаза вынырнули из темноты, за ними последовали остальные глаза лиса. "Уф, что тебе теперь нужно?"

"Тебе не кажется, что здесь душновато? Открытое окно так бы изменило ситуацию!" подтрунивал Обито. "Как еще ты можешь подслушивать все сочные сплетни своих соседей?"

Курама фыркнул и отвернулся от Обито, как бы намекая, что мальчик зря тратит время. "Не испытывай меня, отродье. То, что я дал, я могу так же легко отнять".

Зная, что объяснение намерений Обито будет встречено еще большим раздражением и, возможно, даже насмешками, мальчик предпочел промолчать. Он подошел к бирке, скреплявшей прутья тюрьмы Кьюуби, и внимательно осмотрел ее. Хотя Обито уже был хорошо знаком с письменами на этой печати, он знал, что малейшая ошибка будет стоить ему всего, и поэтому у него не было места для ошибки. Как только Обито определил части печати, определяющие, что может и что не может входить и выходить из камеры Курамы - на данный момент это было лишь ограниченное количество чакры - он уколол палец и начал писать своей кровью - сюрреалистическая концепция, учитывая, что он находился внутри своего собственного разума.

"Когда я дарил тебе часть своей силы, я думал, что ты ребенок с настоящим разумом, который будет использовать ее с пользой", - насмешливо произнес Курама. "Ты сильно ошибаешься, если думаешь, что я не вырвусь из этих оков, как только ты разрушишь этот отвратительный замок!"

Не обращая внимания на замечание Курамы, Обито продолжал сосредоточенно работать. Устройства защиты, которые ему предстояло настроить, были до неприличия сложными, учитывая многочисленные способы, которыми дополнение к этой печати могло быть использовано таким могущественным существом, как лис, содержащийся внутри. Когда все было готово, Обито наконец-то смог включить то, что задумал - дополнительную группу символов, позволяющих передавать визуальную и слуховую информацию в камеру Курамы. Более того, Курама теперь мог видеть то, что видел Обито, и слышать то, что слышал Обито, когда захочет. "Видишь? Окно. Когда я сказал тебе, что мне не нравится держать тебя здесь в таких крепких кандалах, я действительно имел это в виду. В любом случае, мне лучше уйти.

Заметив, как изменилось положение солнца, Обито понял, что ему понадобилось гораздо больше времени, чем он рассчитывал. Остальные, вероятно, уже были на мосту - Обито оставалось только надеяться, что он успеет вовремя, чтобы остановить ненужное кровопролитие. Вскрик привлек внимание Обито, и он бросился в атаку. Спустившись по лестнице, мальчик нашел источник крика. В дом ворвались двое вооруженных бандитов, один из которых взял в заложники Цунами, приставив меч к ее горлу.

"Лучше бы ты шла тихо, тупая сука!" рявкнул один из бандитов. "Ты же не хочешь, чтобы с твоим драгоценным сыном случилось что-нибудь плохое?"

Поскольку лакеи Гато уже были наготове, у Обито не было времени возиться, и он вышел на виду у бандитов, готовый разрешить ситуацию с заложниками и как можно быстрее добраться до моста. Появление Обито не осталось незамеченным, и тот, кто держал Цунами, поднес свой клинок к ее горлу.

"Хочешь узнать кое-что интересное?" Обито смотрел на бандитов с выражением самодовольного спокойствия. "Как оказалось, я самый слабый боец в своей команде".

Бандит, державший Цунами, приблизил свой клинок к ее горлу, как бы заверяя Обито в том, что угроза существует. Цунами издала приглушенный крик через руку, закрывающую ей рот, глаза расширились от быстро растущего страха. "Что ты несешь, сопляк?"

"Я имею в виду, я целый месяц тренировался под руководством одного из самых искусных мечников нашей деревни, и я все еще не умею сражаться в ближнем бою. И все же", - выражение лица Обито постепенно перешло в уверенную ухмылку. "Я все еще самый опасный. Например, ты даже не заметил ручных печатей, которые я выполнял, пока говорил. Кроме того, ты никому не причинишь вреда той рыбой, которую держишь в руках".

Бандит посмотрел на меч в своей руке. Его запястье дернулось, и меч полетел через всю комнату. Цунами воспользовалась возможностью вырваться и побежала в другой конец комнаты. Другой бандит сделал шаг к ней, но споткнулся и упал на лицо.

<http://tl.rulate.ru/book/63306/1780122>